

В. Л. ЯНИН

Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила».

«Хождение игумена Даниила» принадлежит к числу хорошо датированных литературных памятников древней Руси. Быть может, поэтому упоминание в нем имен некоторых русских князей не потребовало специального анализа и не привлекало к себе пристального внимания историков.

Действительно, дата «Хождения» названа автором повести, который сообщает, что паломничество к святым местам предпринято им «во княжение Руское великого князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Володимерича Киевского»,¹ т. е. между 1093 и 1113 гг. Своим рассказом о беседе с иерусалимским королем Балдуином (1100—1118 гг.)² Даниил еще более уточняет дату своего путешествия, а упоминанием целого ряда исторических обстоятельств, очевидцем которых он был, заключает ее в рамки, вполне удовлетворяющие историка. М. А. Веневитинов, основной исследователь повести, путем многих остроумных сопоставлений установил, что путешествие Даниила происходило в 1106—1108 гг.³ Эта дата не встречает противоречий в тексте повести и сама по себе не требует подробного исторического разбора русских княжеских имен, встречающихся в «Хождении». С другой стороны, место действия повести настолько удалено от русских земель, что стало традицией обращаться к этому памятнику как к исключительно историко-литературному и историко-культурному источнику. Таким он и является по преимуществу, однако было бы ошибкой вовсе пренебрегать им как источником политической истории древней Руси. Его возможности с этой точки зрения, как я постараюсь показать, явно недооценены.

«Хождение» было создано в тот период, когда междукняжеские отношения на Руси на какой-то срок были определены постановлениями совещаний в Любече (1097 г.), в Городце (1097 г.), в Витичеве (1100 г.) и в Киеве (1102 г.). Распределение уделов было приведено в соответствие с волей Ярослава Мудрого, и сам новый порядок рассматривался в качестве политической доктрины, способной якобы гарантировать княжеский мир от грозных последствий уже вполне определившегося процесса феодального дробления Киевской Руси.

Вряд ли можно говорить, что нам известны все повороты этого процесса, что, говоря, например, о Любечском съезде, мы во всех деталях представляем себе его принципы и его постановления. Многие пробелы

¹ Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века. Под ред. А. С. Норова. Изд. Археологической комиссии, СПб., 1864, стр. 155.

² Там же, стр. 139 сл.

³ Житие и хождение Даниила Русской земли игумена. 1106—1108 гг. Под ред. М. А. Веневитинова. — Православный Палестинский сборник, т. I, вып. 3. СПб., 1883.

в наших сведениях определяются неполнотой летописных сообщений, случайностью тех фактов, которыми мы располагаем. Поэтому каждый новый факт позволяет правильнее определить княжескую политику в сложных условиях начала XII в.

Характеризуя игумена Даниила, исследователи и популяризаторы древней русской литературы давно уже привыкли повторять действительно бросающуюся в глаза патриотическую идею его повести — идею представительства от всей Русской земли. Совершая свое паломничество в далекий Иерусалим, Даниил всегда оставался русским человеком. Русь, глазами и ушами которой он был, постоянно присутствует в его мыслях. Иордан напоминает ему Снов.⁴ На вопрос Балдуина: «Чего хоцещи, игумене Руский?» — Даниил отвечает: «...хотел был и аз поставити кандило свое над гробом господним за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христиане Руския земля».⁵ Вся заключительная часть его рассказа посвящена мысли о том, что автор повести «в всех сих местех святых не забывал имен князей русских, и княгинь их, и детей их, ни епископов, ни игуменов, ни детей своих духовных, ни всех христиан николи же не забывал, но везде поминал в молитвах».⁶

Эта заключительная часть и представляет сейчас для нас наибольший интерес. Даниил рассказывает, что имена русских князей были записаны им в иерусалимской лавре св. Саввы, где они «и ныне поминаются в октеньях». Далее, предваряя свое перечисление словами: «Се же суть имена их», — Даниил называет поименно несколько русских князей. Кроме того, сообщает он, им помянуты уже без поименного перечисления и записи все русские князья и бояре и все христиане Русской земли, за которых отслужено 90 литургий — за живущих 50 и за умерших 40.⁷

Я сознательно не называю сейчас эти княжеские имена, так как в разных списках «Хождения» они несколько разнятся, в силу чего эти списки нуждаются в критическом сопоставлении, предлагаемом читателю ниже. Однако и безотносительно к истинному варианту этого места текста можно сделать вывод, что в выборе имен Даниил руководствовался какими-то хотя и неясными, но в достаточной степени интересными соображениями. «Не забывая имен русских князей», по его собственному выражению, Даниил тем не менее не считает нужным перечисление всех этих имен и ограничивает свой список некоторыми избранными именами. Уже А. С. Норов подметил, что все эти князья происходят из числа 50 живущих, а не из числа 40 умерших.⁸ Чем же руководствовался Даниил при составлении своего списка?

Нужно особенно подчеркнуть важность этого вопроса для характеристики Даниила. Считая Даниила выразителем идеи представительства за всю Русскую землю, мы точнее всего сможем изучить эту идею в его отношении к князьям. Вспомним автора «Слова о полку Игореве», патриотизм которого более чем конкретен. Автор «Слова», так же как и Даниил, вспоминает русских князей, и его отношения к ним целиком определяются теми их качествами, которые ценны для спасения Русской земли, раздираемой в его время усобицами и разоряемой кочевниками. В этой связи отношение исследователей к Даниилу кажется несколько формальным. Даниил любит Русскую землю, но живет он как бы вне времени. Говоря о «Хождении», обычно забывают, что оно создано в эпоху временной

⁴ Путешествие игумена Даниила..., стр. 55.

⁵ Там же, стр. 139.

⁶ Там же, стр. 155.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 160 и сл.

стабилизации феодального распада, что его автор был современником тяжелых междоусобных войн и последовавших за ними княжеских съездов, которые водворили относительный мир в Русской земле и княжеской семье, что в сознании Даниила княжеские имена не могли не ассоциироваться с вполне определенными историческими событиями и эпизодами. Действительный патриотизм Даниила мог выразиться только в отношении к этим событиям, и нашей задачей является проследить характер этого отношения. Составляя список русских князей для поминания в октенях, Даниил мог иметь в виду ту систему мирных княжеских отношений, которая установилась по инициативе Владимира Мономаха, но он мог руководствоваться и другими, более мелкими соображениями и равнодушно пройти мимо важнейших событий, современником которых он был.

Вполне понятно, что если справедливо первое предположение, то значение княжеского списка в «Хождении» заключается не только в возможности характеризовать самого автора повести. Княжеский список в этом случае приобретет характер ценнейшего исторического источника.

Мне известна только одна попытка объяснить соображения Даниила при составлении им списка князей. Эта попытка принадлежит В. П. Адриановой-Перетц, считавшей, что Даниил был черниговским игуменом и в силу своего происхождения с особым вниманием отнесся к южным русским князьям.⁹ Ниже я покажу, что никакого предпочтения южным князьям Даниил не оказывал. Здесь же хочется отметить, насколько противоречит приведенное объяснение общей характеристике Даниила. Объяснение В. П. Адриановой-Перетц подводит читателя к мысли о том, что Даниил, бывший на словах представителем всей Русской земли, на деле оказывается патриотом Черниговского княжества или, вернее, своего монастыря, находящегося в зависимости главным образом от князей, сидевших в непосредственной близости от этого монастыря.

Прежде чем перейти к анализу княжеского списка в «Хождении», необходимо обратиться к той политической обстановке, которая сложилась на Руси к моменту создания Даниилом его повести. При этом я особенно выделяю некоторые спорные проблемы, решению которых способствует рассказ Даниила.

В 1054 г. Русская земля была поделена Ярославом Мудрым между его преемниками. Изяславу, старшему из здравствовавших сыновей Ярослава, были завещаны великокняжеский стол в Киеве и Новгород. Следующий сын — Святослав — получил Чернигов. Всеволоду были отданы Переяславль-Южный и Ростово-Суздальская земля. Вячеслав наследовал Смоленск, Игорь — Волынскую землю. Шестым уделом был Полоцк, оставшийся во владении потомков племянника Ярослава — Изяславичей.¹⁰ Старшинству преемников Ярослава соответствовало значение уделов. Наиболее значительным уделом Ярославичей был Киев, наименее значительным — Владимир-Волынский. Полоцкое княжество, находившееся в руках другой ветви Рюриковичей, было особливим уделом, и судьбы княжеского стола в нем не связаны с судьбами княжений Ярославичей.

Система старшинства, проявившаяся в распределении уделов, не могла не сказаться в порядке наследования столов во второй половине XI в. Не меньший отпечаток на этот порядок был наложен тем, что Ярослав разделил свое наследство только между сыновьями. Его завещание не распространялось на внуков — детей умершего еще при жизни отца стар-

⁹ История русской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 366 и сл.

¹⁰ ПСРЛ, т. I. СПб., 1846, стр. 69—70; т. II, СПб., 1843, стр. 268; т. III. СПб., 1841, стр. 2; т. V, СПб., 1851, стр. 139.

шего сына Ярослава — Владимира. Поэтому первоначальное перераспределение столов происходит только в кругу сыновей Ярослава.

Великокняжеский киевский стол оставался в руках Изяслава до 1073 г., когда он был изгнан своими братьями. Его место занял Святослав Ярославич, оставивший для киевского стола свое черниговское княжение,¹¹ а по смерти последнего — следующий по старшинству князь Всеволод Ярославич, пересевший перед этим с переяславского стола на черниговский.¹² После трехлетнего изгнания, в 1076 г. Изяслав вернул себе Киев. Однако его смерть в 1078 г. не привела на киевский стол его сына. Великим князем снова становится Всеволод,¹³ и лишь смерть последнего и инициатива его сына Владимира Мономаха привели к возвращению киевского стола Изяславичу — Святополку.¹⁴

Что касается Новгорода, то на протяжении всего периода до смерти Всеволода он остается во власти киевского великого князя, от которого зависел выбор специального князя-наместника для новгородской части великокняжеского удела.

Святослав сидит в завещанном ему Чернигове до 1073 г. Отсюда он уходит в Киев на великокняжеский стол, а на его место в Чернигове садится переяславский, т. е. следующий по старшинству князь Всеволод. Законность его княжения в Чернигове после смерти Святослава подтверждена Изяславом, вернувшимся в Киев в 1076 г.¹⁵ В дальнейшем, получив Киев, Всеволод передает Чернигов своему сыну Владимиру.¹⁶ На мой взгляд, этот акт не означает превращения Владимира в самостоятельного князя. Его княжение в Чернигове при жизни Всеволода равнозначно новгородскому княжению наместников великого князя. Святославиичи возвращаются в Чернигов только после смерти Всеволода, в 1094 г.¹⁷

Переяславль остается вполне самостоятельным княжеством до 1073 г., когда в нем сидит Всеволод. Отсюда Всеволод уходит на более высокие столы, но при этом он, по-видимому, сохраняет Переяславское княжество за собой. Оно остается в его непосредственном управлении до 1093 г., т. е. до самой смерти Всеволода, так как о каких-либо особых переяславских князьях источники в этот период не сообщают, а сразу по кончине Всеволода один из двух его сыновей, Владимир Мономах, будучи черниговским князем, посылает в Переяславль своего брата Ростислава.¹⁸ После смерти Ростислава в том же году и водворении Святославиичей в своей черниговской отчине Владимир садится на переяславский стол, где и остается до начала своего великого княжения в 1113 г.

Вячеслав Ярославич, получивший по завещанию Смоленск, княжил в нем очень недолго. Он умер в 1057 г.,¹⁹ оставив после себя сына Бориса. Однако, как и в остальных уделах Русской земли, сын не мог наследовать своему отцу. На место умершего Вячеслава братья переводят из Владимира-Волынского Игоря, а его прежний удел превращается в вакантный и в силу этого объединяется с великокняжеским уделом.²⁰ Смерть Игоря в 1060 г. приводит к тому, что Смоленск повторяет судьбу Волынской земли и вливается в великокняжеский удел. Летопись глухо сообщает даже

¹¹ ПСРЛ, т. I, стр. 78; т. III, стр. 2; т. V, стр. 147; т. VII, СПб., 1856, стр. 342.

¹² ПСРЛ, т. I, стр. 85; т. II, стр. 274; т. V, стр. 147; т. VII, стр. 1.

¹³ ПСРЛ, т. I, стр. 87; т. II, стр. 276; т. VII, стр. 2.

¹⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 93; т. II, стр. 278; т. V, стр. 149; т. VII, стр. 6.

¹⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 85; т. II, стр. 274; т. V, стр. 148; т. VII, стр. 1—2.

¹⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 87; т. II, стр. 276; т. V, стр. 148; т. VII, стр. 2—3.

¹⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 96; т. II, стр. 279; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 7.

¹⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 93; т. VII, стр. 6.

¹⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 70; т. II, стр. 269; т. V, стр. 139; т. VII, стр. 333.

²⁰ Там же.

о разделении Смоленска между тремя оставшимися в живых Ярославичами.²¹ По-видимому, здесь речь идет об отторжении к Чернигову и Ростову некоторых районов Смоленской земли. Смоленск как таковой оказывается под рукой великого князя, который и посылает туда князей-наместников. Отметим в этой связи княжение Владимира Мономаха в Смоленске в 1077—1078 гг. Обычно из этого сообщения делают далеко идущий вывод о водворении в Смоленске линии Всеволода и фактическом воссоединении Смоленска с Переяславлем-Южным и Ростовом,²² однако летописец очень определенно сообщает, что Владимир был послан в Смоленск не Всеволодом, княжившим тогда в Чернигове и Переяславле, а великим князем Изяславом.²³ Укажу также, что после вокняжения в Киеве Святополка Изяславича последний считает нужным сменить своего наместника в Смоленске и посылает туда Давыда Святославича, что лишний раз свидетельствует об отсутствии прочной связи Смоленска с Всеволодовичами.

Владимир-Волынский пользуется своим самостоятельным княжеским столом только до 1057 г. После перевода волынского князя Игоря в Смоленск Волынь превращается в часть великокняжеского удела, и назначение туда князей зависит целиком от киевского князя. Перед смертью Всеволода таким князем-наместником был Давыд Игоревич, права которого на Владимир-Волынский были закреплены Любечским съездом.²⁴

Мы видим, что принятый порядок закрепления уделов только за сыновьями Ярослава привел в 1078 г. к тому, что вся Русская земля политически объединилась в руках последнего из оставшихся в живых Ярославича — Всеволода. Рядом с великим князем существовала группа князей-наместников, зависимых от великого князя, кормившихся за счет управляемых ими уделов, но не пользовавшихся такой же самостоятельностью, как их предшественники — дети Ярослава, получившие свои уделы по завещанию.

Смерть Всеволода в 1093 г. должна была привести к перестройке этого порядка, оставлявшего простор для кровавых споров. На политическую арену выходили внуки Ярослава, лишённые до этого необходимой в условиях феодального распада самостоятельности. И в этот момент в качестве политического аргумента появляется понятие «отчина». Оно возникает в 1093 г. Его выдвинул Владимир Мономах, когда смерть его отца поставила вопрос о дальнейшей судьбе киевского стола. Владимир уступает Киев Святополку Изяславичу на том основании, что отец последнего владел Киевом ранее отца Мономаха: «аще сяду на столе отца своего, то имать с Святополком взяти, яко есть стол преже от отца его был».²⁵ Оно превращается в лозунг, когда Олег Святославич принуждает в 1094 г. Владимира Мономаха уйти из Чернигова в свою переяславскую отчину, вернув ему, Олегу, его черниговскую отчину.²⁶ Оно звучит как убедительный аргумент, когда в 1096 г. Олег требует удаления Изяслава Владимировича из Мурома в его отцовскую область Ростов,²⁷ и потом, после убийства Изяслава, когда Владимир в письме к Олегу упрекает последнего

²¹ Тверская и Софийские летописи под 1060 г.

²² А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 168 и сл.; Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XIII вв. М., 1953, стр. 419.

²³ ПСРЛ, т. II, стр. 275.

²⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 109; т. II, стр. 282; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 12.

²⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 93; т. II, стр. 278; т. V, стр. 149; т. VII, стр. 6.

²⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 96; т. II, стр. 279; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 7.

²⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 107—108; т. II, стр. 281; т. VII, стр. 10.

в том, что тот покусился на Ростов, в котором дети Владимира «едят хлеб деден», т. е. сидят в своей отчине.²⁸ Оно, наконец, становится доктриной в 1097 г. на Любечском съезде, когда княжеское совещание постановляет: «Кождо да держит отчину свою» — и переводит старшего из Святославичей — Давыда — из Смоленска в Чернигов на место его брата Олега, который не был старшим и поэтому должен был довольствоваться второстепенным в Черниговской земле Новгородом-Северским и, по-видимому, Курском.²⁹

Этот процесс перераспределения Русской земли, водворения внуков Ярослава в свои отчины занимает годы, следующие за смертью Всеволода, и сопровождается братоубийственными войнами, пожарами и разорением целых областей. Проследим за первыми результатами этого процесса.

В киевской великокняжеской отчине водворяется Святополк Изяславич. В Черниговской земле садятся Святославичи, которые теперь делят между собой наследство своего отца: Черниговом овладевает Олег, Рязанью и Муромом — Ярослав Святославич. Элемент несправедливости, присутствующий в этом делении, устраняет Любечский съезд, который переводит старшего из Святославичей — Давыда — из Смоленска на принадлежащий ему по праву старшинства черниговский стол, а Олега заставляет довольствоваться Новгородом-Северским. В Переяславле с 1094 г. сидит Владимир Всеволодович.

Каким образом решается судьба следующего по значению удела — Смоленска? Обычно принято считать, что Смоленск закрепляется за Владимиром Мономахом и его детьми. Это мнение основано, во-первых, на умолчании летописи относительно решения князей о Смоленске на съездах; во-вторых, на основании того факта, что в 1101 г. Владимиру закладывает в Смоленске Успенский собор,³⁰ а в 1107 г. идет к Смоленску;³¹ в-третьих, на основании того, что в 1113 г. в Смоленске княжит Святослав Владимирович. Именно оттуда переводит его на переяславский стол Владимир, когда этот стол освобождается в связи с уходом Мономаха в Киев.³²

Однако могли ли существовать какие-либо юридические обоснования для закрепления Смоленска за линией Всеволода в эпоху овладения князьями своими отчинами? Смоленск, как уже отмечено выше, по завещанию Ярослава был уделом Вячеслава. Сын Вячеслава Борис погиб еще в 1078 г., в битве при Нежатиной Ниве, не оставив потомства.³³ Но это не означает, что Смоленск мог считаться выморочным уделом. Княжеским решением 1057 г. он был признан уделом Игоря Ярославича, а после Игоря осталось два сына: Давыд и неизвестный по имени. Старшинство этих двух Игоревичей неизвестно, однако мы можем предполагать, что младшим был Давыд, так как Любечский съезд признал его права только на Владимир-Волынский, исконную, но младшую отчину Игоревичей, но не на Смоленск. Мы не знаем, был ли жив к этому моменту неизвестный по имени сын Игоря Ярославича. Скорее всего нет, так как его сын Мстислав, которого летопись называет внуком Игоревым и племянником Давыда, после Любечского съезда находится на Волыни, сопровождая Давыда Игоревича.³⁴

²⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 107.

²⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 109; т. II, стр. 282; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 12.

³⁰ ПСРЛ, т. I, стр. 117; т. II, стр. 286; т. VII, стр. 18.

³¹ А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 147.

³² ПСРЛ, т. II, стр. 4.

³³ ПСРЛ, т. I, стр. 86; т. II, стр. 275; т. III, стр. 3; т. VII, стр. 2.

³⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 116; т. VII, стр. 17.

Волинская земля находится в княжении Давыда Игоревича. Любечский съезд признает ее отчиной Давыда, так как она была получена по завещанию его отцом. Однако княжение Давыда после Любечского съезда не было продолжительным. Виновник ослепления Василька, он восстанавливает против себя остальных князей и теряет Волинь, влившуюся в 1100 г. в великокняжеский удел, как выморочное наследство, так как линия Давыда была лишена своей отчины и отправлена в бужскую ссылку.³⁵ Племянник Давыда Мстислав порвал к этому времени со своим дядей и ушел «на море» (в Тмутаракань?).³⁶ Вскоре он снова появляется в кругу остальных русских князей и участвует в походах на половцев в 1103³⁷ и 1107 гг.³⁸

Понятно, что в соответствии с духом нового порядка он является главным претендентом на смоленский стол. Его права могли казаться спорными, так как перераспределение уделов происходит между внуками Ярослава, а он был его правнуком. Однако дух этого нового порядка состоит прежде всего в тенденции закрепить отчины навечно за теми княжескими линиями, которые были основаны детьми Ярослава. Поэтому с юридической точки зрения Мстислав имел бесспорные права на занятие смоленского стола. Занял ли он его?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нам следует вернуться к господствующей в литературе точке зрения, согласно которой Смоленск уже в конце XI в. превратился в часть удела Всеволодовичей и в нем княжил один из сыновей Владимира Мономаха. Какой? Д. Н. Мурзакевич полагал, что этим князем был Ярополк Владимирович.³⁹ Летопись указывает как будто на Святослава. Рассмотрим судьбы детей Владимира в первой четверти XII в.

Мы почти не располагаем сведениями о датах рождения сыновей Мономаха. Известны лишь годы рождения его старшего сына, Мстислава, — 1076⁴⁰ — и младшего, Андрея, — 1102.⁴¹ Летописные перечисления потомства Владимира путанны. Поэтому очередность Мономашичей устанавливается обычно по всякого рода сложным соображениям, как правило, не сопровождаемым аргументацией. С. М. Соловьев принял следующий порядок: Мстислав, Изяслав, Святослав, Роман, Ярополк, Вячеслав, Юрий, Андрей.⁴² Последняя по времени генеалогическая таблица принадлежит Д. С. Лихачеву, перечислившему детей Владимира следующим образом: Мстислав, Изяслав, Роман, Ярополк, Вячеслав, Святослав, Андрей, Юрий.⁴³

Проверим эту очередность, исходя из той последовательности, в которой сыновья Владимира занимают различные столы в русских уделах. Исходным пунктом наших построений является 1094 г., когда Владимир садится в своей отчине Переяславле, отказавшись от киевского стола. Ему в это время, кроме Переяславля, принадлежит только Ростово-Суздальская земля. В Смоленске в этот период сидит Давид Святославич. По логике

³⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 116; т. VII, стр. 17—18.

³⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 116.

³⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 118; т. II, стр. 286; т. VII, стр. 19.

³⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 120; т. II, стр. 287; т. VII, стр. 21.

³⁹ Д. Н. Мурзакевич. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года. Смоленск, 1804, стр. 40 и сл.

⁴⁰ ПСРЛ, т. I, стр. 85; т. II, стр. 274.

⁴¹ ПСРЛ, т. I, стр. 118; т. II, стр. 286; т. VII, стр. 19.

⁴² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, тт. I—V. Изд. «Общественная польза», СПб., б. г., генеалогическая таблица.

⁴³ Повесть временных лет, ч. II. Приложения. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), таблица в конце книги.

вещей и в соответствии с духом своей политической доктрины Владимир должен был посадить в Ростов своего старшего сына. Действительно, в Ростове княжит Мстислав Владимирович, старшинство которого не подлежит сомнению. В 1095 г. он отправляется из Ростова на княжение в Новгород,⁴⁴ а на его место садится следующий сын Владимира — Изяслав. В 1096 г., когда он захватил Муром, Олег требует его удаления в отцовскую область Ростов. Отказ Изяслава приводит его к смерти.

Кто заменил его на ростовском столе? Всеми исследователями принято считать, что его преемником был Юрий. Это представление основывается на известном месте письма Владимира Олегу, в котором говорится о крестном сыне Олега, вместе со своим младшим братом евшем дедовский хлеб в Ростове. Подтверждение этому мнению исследователи отыскивают в свидетельстве Печерского патерика, где якобы сообщается о том, что Владимир Мономах послал в Суздальскую землю своего тысяцкого Георгия Шимоновича, дав ему на руки малолетнего Юрия Долгорукого.⁴⁵ Между тем у нас нет никаких оснований присоединяться к приведенному мнению. В упомянутом месте патерика вовсе не говорится о вручении Владимиром своего сына Георгию Шимоновичу. Напротив, в нем рассказывается о вручении Георгием Шимоновичем своего сына Георгия Владимиру Мономаху: «И бысть посланъ от Володимера Мономаха в Суждальскую землю, сий Георгий дасть же ему на руже и сына своего Георгия. По летех же мнзех седе Георгий Володимерович в Киеве, тысяцкому ж своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суждальскую».⁴⁶ Только при таком толковании приведенного места патерика мы можем осмыслить взаимоотношения тысяцкого Георгия и Георгия Шимоновича и понять, почему Юрий Долгорукий предал Георгию Суздальскую землю. Следует отметить, что знаки препинания были правильно расставлены редактором патерика в издании Археографической комиссии Д. И. Абрамовичем, но его толкование осталось впоследствии незамеченным.

Если привлечение свидетельства Печерского патерика основано на недоразумении, то ссылка на письмо Владимира Олегу также кажется неосновательной, поскольку Юрий в нем даже не назван. Таким образом, с формальной точки зрения мы не имеем никакого основания датировать начало ростово-суздальского княжения Юрия Долгорукого 1096 г. Однако и подходя к этому общепринятому мнению с юридической точки зрения, мы останавливаемся перед более чем недоуменным вопросом: на основании какого права мог Юрий получить ростовский стол в обход всех своих многочисленных старших братьев? Ведь в силу этого они должны были оставаться изгоями, поскольку никаких других столов под рукой Мономаха в это время не было.

Обратимся к событиям 1113 г. В этом году Владимир садится на великокняжеский стол, в силу чего становится вакантным Переяславль. К этому времени во владении Мономаха оказывается и Смоленск, в котором сидит его сын Святослав. На переяславский стол Владимир и переводит из Смоленска Святослава, заменяя его в Смоленске Вячеславом.⁴⁷ Следовательно, Святослав и Вячеслав это сыновья Мономаха, следующие один за другим. Поэтому, когда Святослав умер в том же году, мы вправе ожидать, что на его место в Переяславль придет из Смоленска Вячеслав.

⁴⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 98; т. II, стр. 280; т. V, стр. 150; т. VII, стр. 8.

⁴⁵ Повесть временных лет, ч. II, стр. 371; В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. — КСИИМК, в. 62. М., 1956, стр. 7.

⁴⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1911, стр. 5, 189.

⁴⁷ ПСРЛ, т. II, стр. 4, 290.

Однако этого не происходит. Вячеслав остается в Смоленске, а на переяславский стол садится Ярополк, который тем самым оказывается старше Вячеслава.⁴⁸ Старшинство Ярополка перед Вячеславом подтверждается и в дальнейшем, когда Ярополк оказывается предшественником Вячеслава на великокняжеском столе.

Если Ярополк, будучи старше Вячеслава, до 1114 г. остается в тени, то где же он мог находиться до этого времени? Только в Ростове, который он должен был занять в 1096 г. после смерти Изяслава в силу своего старшинства.

Роман, которого С. М. Соловьев считал четвертым, а Д. С. Лихачев третьим сыном Владимира, никак не проявляется во всех этих событиях. Если он действительно третий или четвертый Мономашич, то его старшинство перед Ярополком, Святославом и Вячеславом неминуемо должно было проявиться в занятии основных переяславских столов до этих братьев. Однако Роман получает свой единственный удел только в 1117 г., когда его братья вдоволь насиделись на более высоких столах, и этим делом оказывается Владимир-Волынский, самый незначительный из всех русских уделов.⁴⁹ На следующий год он умирает на Волыни, а на его место садится даже не Юрий, а самый младший из Мономашичей — Андрей,⁵⁰ что может говорить лишь о том, что Роман был младшим братом Юрия и предпоследним сыном Владимира.

На основании всех этих соображений я предлагаю следующий порядок последовательности сыновей Владимира Мономаха: Мстислав, Изяслав, Ярополк, Святослав, Вячеслав, Юрий, Роман, Андрей.

Вернемся к Ростову. Если действительно Ярополк был ростовским князем начала XII в., то его уход в Переяславль в 1114 г. делал ростовский стол вакантным. Его должен был занять Вячеслав, но Смоленск, в котором он сидел, был более почетным княжением. Следовательно, преемником Ярополка в Ростове должен был стать Юрий, следующий по старшинству сын Владимира. Только этот год, а никак не 1096, можно считать начальной датой ростовского княжения Юрия Долгорукого. Отсюда следует, что под «малым братом» Владимир в письме к Олегу понимает не Юрия, а Ярополка.

Прибегая для объяснения княжеских взаимоотношений к теории «лестничного восхождения» князей к старшинству, я вовсе не собираюсь утверждать, что эта система была безотказно действующим аппаратом, все части механизма которого приходили в согласованное движение по мере того, как освобождалось то или иное звено системы. Однако не может быть никакого сомнения, что сам юридический принцип, лежащий в основе порядка наследования столов, не мог не быть формальным, а применение его в ту эпоху, когда усилился Мономах были направлены к торжеству этого принципа, не могло не быть в достаточной степени последовательным.

Изложенные выше построения преследуют цель обосновать предположение о том, что в начале XII в. Смоленск в силу юридического порядка должен был принадлежать не Мономашичам, а Мстиславу Игореву внуку и что ростовским князем того же времени был Ярополк Владимирович, а не Юрий Долгорукий. Приведенные факты показывают, что смоленским князем этого времени, как будто в равной степени, мог быть и Мстислав и Святослав Владимирович, однако, принимая последнее, мы вынуждены будем признать, что смоленское княжение Святослава должно обнимать

⁴⁸ ПСРЛ, т. II, стр. 4, 290.

⁴⁹ ПСРЛ, т. II, стр. 8, 291.

⁵⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 8; т. VII, стр. 24; т. I, стр. 128.

весь период с 1097 по 1113 г., а этому противоречит физическое старшинство Ярополка, который почему-то на протяжении всего указанного периода довольствуется полусамостоятельным Ростовским уделом, пренебрегая более почетным Смоленским.

Для разрешения этого недоумения обратимся к некоторым летописным текстам. Имею в виду списки князей — участников наиболее важных совместных предприятий, будь то княжеские съезды или походы. Эти списки всегда называют князей в порядке их старшинства, в связи с чем обращают внимание на чрезвычайно важное обстоятельство: во всех списках начиная с 1097 г. Владимир Переяславский стоит на втором месте, сразу же после киевского князя, а черниговские князья только на третьем. Это значит, что к моменту Любечского съезда или на самом съезде произошла переоценка ценностей и Переяславль был признан более почетным уделом, вторым после Киева в системе княжеской иерархии. Подтверждение этому мы найдем в событиях 1113 г., когда Владимир Мономах, казалось бы вопреки собственной доктрине, садится на киевский стол в обход черниговских Святославичей, а также в событиях 1131 г., когда Юрий Долгорукий изгнал из Переяславля своего племянника Всеволода Мстиславича, опасаясь, что последнему будет завещан киевский стол.⁵¹ Иными словами, Юрий добивался Переяславля только потому, что он был последней иерархической ступенью перед великокняжеским столом.

Из летописных списков князей наибольший для нас интерес представляют списки участников походов на половцев в 1103 и 1107 гг. В первом походе участвуют: Святополк, Владимир, Давыд Святославич, Давыд Всеславич, Мстислав Игорев внук, Вячеслав Ярополчич и Ярополк Владимирович.⁵² Князья перечислены в порядке старшинства: сначала киевский князь, затем переяславский, черниговский, полоцкий, далее следует Мстислав Игорев внук, затем Вячеслав Ярополчич, племянник киевского князя и наместник туrowsкой части великокняжеского удела, наконец Ярополк Владимирович, наместник Мономаха в ростовской части удела Всеволодовичей. Мстислав Игорев внук в этом списке занимает как раз то место, которое соответствует смоленскому князю. Он показан ниже всех владетельных князей, но выше всех полусамостоятельных удельных князей.

Участники похода 1107 г. перечислены в следующем порядке: Святополк, Владимир, Олег Святославль, Мстислав, Вячеслав, Ярополк.⁵³ Здесь мы видим принципиальное повторение той же картины, которую наблюдали в 1103 г. Сначала назван киевский князь, затем переяславский, черниговский, Мстислав, который снова стоит на том месте, где должен быть смоленский князь, наконец Вячеслав Ярополчич и Ярополк Владимирович — князья-наместники.

Завершая изложение системы нового княжеского порядка, отмечу, что в начале XII в. решается судьба Новгорода, выделившегося из великокняжеского удела. Всеволод Ярославич отправил туда князем своего внука Мстислава. Водворение на киевском столе Святополка последний раз продемонстрировало зависимость Новгорода от киевских князей. Мстислав заменен Давыдом Святославичем и возвращается в отцовскую область Ростов. Однако по воле новгородцев он снова оказывается в Новгороде и сохраняет его, несмотря на договор между Святополком и Владимиром, заключенный в 1102 г. и постановивший, что в Новгороде должен княжить сын великого князя, а Мстислав — наместничать во Владимире-Волын-

⁵¹ ПСРЛ, т. I, стр. 132; т. II, стр. 12, 294; т. III, стр. 6; т. VII, стр. 29

⁵² ПСРЛ, т. I, стр. 118; т. II, стр. 286; т. VII, стр. 19.

⁵³ ПСРЛ, т. I, стр. 120; т. II, стр. 287; т. VII, стр. 21.

ском.⁵⁴ Новгород превращается в самостоятельное княжество, стоящее в системе иерархии после Смоленска.

Таким образом, систему старшинства в начале XII в. можно изображать следующим образом:

Святополк Изяславич	— великий князь киевский;
Владимир Всеволодович	— князь переяславский;
Давид Святославич	— князь черниговский;
Олег Святославич	— князь новгород-северский;
Ярослав Святославич	— князь муромский;
Мстислав Игорев внук	— князь смоленский;
Мстислав Владимирович	— князь новгородский;
Роман Всеславич	— князь полоцкий (с 1101 г.);
Глеб Всеславич	— князь минский (с 1101 г.);

далее следуют полусамостоятельные князья-наместники.

Вернемся к Мстиславу, который, по-видимому, сидит в Смоленске. Он не мог появиться там сразу же после Любечского съезда, поскольку в самом конце XI в. Мстислав живет и действует на Воыни. В 1103 г. он уже княжит в Смоленске, так как это следует из перечисления князей под 1103 г. В 1101 г. летопись застаёт в Смоленске Мономаха. По-видимому, в Смоленске Мстислав водворился перед Долобским съездом 1103 г. Дата его смерти известна из летописи. Она приходится на 1113 или 1114 г.⁵⁵ Иными словами, княжение Святослава Владимировича в Смоленске относится к тому времени, когда Мстислав был еще жив. Это противоречие, однако, не может совершенно отрицать наши построения, поскольку в конце жизни Мстислав мог тяжело болеть, принять схиму и т. п. Важно то, что Мстислав не оставил потомства, и сам переход Смоленска к Мономахичам с его уходом был юридически законным.

Думается тем не менее, что в эпоху Владимира Мономаха Смоленск не перешел формально в удел Всеволодовичей. Он закрепился за детьми Мономаха на долгий срок главным образом потому, что превращение его в выморочный удел близко совпало со временем водворения Мономаха на киевском столе. Смоленск превратился в часть великокняжеского удела, подобно Воынской земле. Действительно, он остается во власти Мономахичей в 1113—1125 гг., когда в Киеве княжит Владимир, в 1125—1131 гг., когда там княжит его старший сын Мстислав, в 1131—1139 гг., когда киевским князем становится другой сын Мономаха Ярополк, в непродолжительное княжение Вячеслава Владимировича в 1139 г. Однако стоило только произойти переменам на великокняжеском столе, когда он был захвачен Всеволодом Ольговичем из линии черниговских князей, как первым действием Всеволода оказались попытки искать под Ростиславом Мстиславичем, внуком Мономаха, Смоленска, а под Изяславом Мстиславичем, другим внуком Мономаха, — Воынской земли, т. е. двух наместничеств, которые юридически принадлежали не особым князьям, а представителям киевского князя.⁵⁶

Для проверки всех этих построений вернемся теперь к «Хождению игумена Даниила» и рассмотрим содержащийся в нем список князей, как со стороны его содержания, так и для характеристики тех соображений автора повести, которыми он руководствовался при составлении этого списка.

⁵⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 117; т. II, стр. 286; т. VII, стр. 18.

⁵⁵ ПСРЛ, т. VII, стр. 23.

⁵⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 134; т. II, стр. 16, 296; т. VII, стр. 32.

«Хождение игумена Даниила» сохранилось до нашего времени по меньшей мере в 60 списках, наиболее ранний из которых, однако, не старше XV в. За триста лет, которые отделяют момент создания повести от того момента, к которому относится самая старая из дошедших до нас рукописей памятника, текст рассказа Даниила не оставался неизменным. Он подвергался в разное время разного рода редакторским вторжениям. Редакторы меняли количество глав, дробя повесть на более мелкие разделы, переставляли отдельные ее части, изменяли форму общего заглавия, опускали некоторые разделы, наконец, создавали сокращенные варианты повести. Исследование разночтений «Хождения» в различных списках рукописи было предпринято М. А. Веневитиновым, который классифицировал все известные списки повести по группам, принимая во внимание весь комплекс мелких отличий текста в этих списках.⁵⁷

Эта работа не ставила целью ни выяснение взаимоотношений различных редакций, ни восстановление протографа текста. Различные редакции повести не содержали каких-либо данных для установления родства между ними по восходящей степени. Вопрос о большей или меньшей достоверности той или иной редакции памятника оставался открытым.

В своей работе М. А. Веневитинов обращался к списку князей заключительной части «Хождения», но он не анализировал этот список исторически и предполагал, что имеющиеся в нем разночтения связаны с тем, что память о некоторых князьях тускнела под действием времени и позднейшие редакторы и переписчики опускали или искажали имена таких князей в тех случаях, когда они ничего не давали им как читателям повести.⁵⁸

С другой стороны, М. А. Веневитинову удалось показать, что каждому варианту, каждой редакции основного текста «Хождения» присущ особый, неповторимый в других редакциях список князей, что особенности этого списка служат формальным указанием на принадлежность той или иной рукописи «Хождения» к той или иной редакции. Это значит, что, пытаясь разобраться в системе взаимоотношения этих редакций, мы можем ограничиться изучением только княжеских списков, так как каждому списку соответствует только ему присущий набор всех остальных особенностей текста, который и определяет принадлежность рукописи к определенной редакции.

М. А. Веневитинов выделил три полные и две сокращенные редакции «Хождения Даниила».⁵⁹ Привожу княжеские списки всех этих редакций.

I редакция: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Святославич, Михаил-Олег, Панкратий Святославич, Глеб Минский.

II редакция распадается на три группы.

В первой группе: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Все-славич, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Феодор-Мстислав Владимирович, Борис Всеславич, Глеб Мезенский;

во второй группе: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Все-славич, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Феодор-Мстислав Владимирович, Борис Владимирович;

в третьей группе: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Все-славич, Михаил-Олег, Панкратий Святославич, Феодор-Мстислав Влади-мирович, Борис Всеславич.

⁵⁷ М. А. Веневитинов. Хождение игумена Даниила в Святую землю в начале XII ст. — ЛЗАК, в. 7 (1876—1877). СПб., 1884.

⁵⁸ Там же, стр. 97.

⁵⁹ Там же, стр. 95—96.

III редакция: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Всеславич, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Андрей-Мстислав Всеволодович, Борис Всеславич.

Сокращенная редакция А: Святополк-Василий, Михаил-Владимир, Давыд Святославич, Феодор-Мстислав Владимирович, Глеб Минский.

Сокращенная редакция Б: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Игоревич, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Глеб Минский.

Для удобства пользования эти данные сведены в таблицу.

Сравнивая между собой различные сочетания княжеских имен в выявленных М. А. Веневитиновым редакциях «Хождения», мы сможем разделить последние на две группы.

Первая группа списков объединяется тем, что в них, во-первых, упомянут Глеб Минский, имя которого передано без каких-либо искажений. Вторым, более существенным признаком этих списков служит упоминание в них Давыда Святославича, который во всех остальных списках отсутствует, а его место там занято именем Давыда Всеславича. Формально в эту группу мы имеем право отнести безоговорочно только списки I редакции и сокращенную редакцию Б. Однако в нее же следует включить другой вариант сокращенной редакции (А), в котором Давыд Святославич заменен Давыдом Игоревичем. Эта замена — результат явной небрежности или недомыслия редактора, так как Давыд Игоревич не встречается более ни в одном из списков «Хождения». В остальном перечисление князей в сокращенной редакции А ничем не отличается от такого же перечисления в I редакции повести.

Это, однако, не означает, что в трех вариантах, о которых выше шла речь, княжеские списки совпадают во всех мельчайших деталях и что мы можем предполагать в обеих сокращенных редакциях результат сокращения именно I полной редакции «Хождения». Напротив, список князей в сокращенной редакции Б более полон, нежели в рукописях I редакции: в нем упомянут Феодор-Мстислав Владимирович, отсутствующий в полном варианте текста.⁶⁰ Что касается сокращенной редакции А, то, кроме замены Давыда Святославича на Давыда Игоревича, которая сама по себе не отрицает возможности происхождения этого варианта от одного из списков I редакции, в нем мы обнаруживаем более развернутую форму имени Панкратий Святославич: Панкратий-Ярослав Святославич.

Все эти особенности позволяют, относя перечисленные три варианта к одной «фамилии», возводить их к единому общему источнику, характерной особенностью текста которого в интересующем нас месте было отсутствие имен Давыда Всеславича, Андрея-Мстислава Всеволодовича и Бориса Всеславича. Путаница в отчестве Давыда, которая отмечена в сокращенной редакции А, свидетельствует как будто о том, что имя Давыда в этом предшествующем несохранившемся тексте вообще не сопровождалось отчеством. Этот текст, который я называю текстом I, реконструируется следующим образом:

«Се же суть имена их: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Феодор-Мстислав Владимирович, Глеб Минский».

Вторую группу списков объединяет упоминание в них Давыда Всеславича. В нее входят рукописи II и III редакций.

⁶⁰ Отмечу явную небрежность переписчика, поименовавшего в сокращенной редакции Б Святополка-Василия вместо Михаила-Святополка и Михаила-Владимира вместо Василия-Владимира.

I	Сокр. А	Сокр. Б	II, 1	II, 2	II, 3	III
Михаил-Святополк	Михаил-Святополк	Святополк-Василий	Михаил-Святополк	Михаил-Святополк	Михаил-Святополк	Михаил-Святополк
Василий-Владимир	Василий-Владимир	Михаил-Владимир	Василий-Владимир	Василий-Владимир	Василий-Владимир	Василий-Владимир
Давыд Святославич	—	Давыд Святославич	—	—	—	—
—	Давыд Игоревич	—	—	—	—	—
—	—	—	Давыд Всеславич	Давыд Всеславич	Давыд Всеславич	Давыд Всеславич
Михаил-Олег	Михаил-Олег	Михаил-Олег	Михаил-Олег	Михаил-Олег	Михаил-Олег	Михаил-Олег
Панкратий Святославич	Панкратий-Ярослав Святославич	Панкратий Святославич	Панкратий-Ярослав Святославич	Панкратий-Ярослав Святославич	Панкратий Святославич	Панкратий-Ярослав Святославич
—	—	—	—	—	—	Андрей-Мстислав Всеволодович
—	—	Феодор-Мстислав Владимирович	Феодор-Мстислав Владимирович	Феодор-Мстислав Владимирович	Феодор-Мстислав Владимирович	—
—	—	—	Борис Всеславич	Борис Владимирович	Борис Всеславич	Борис Всеславич
Глеб Минский	Глеб Минский	Глеб Минский	Глеб Мезенский	—	—	—

М. А. Веневитинов делил II редакцию на три группы, основываясь на мелких отличиях именно в княжеских списках и на полном сходстве всех остальных признаков редакции. Эти отличия не представляют чего-либо существенного. В первой группе рукописей этой редакции княжеский список завершен фантастическим именем Глеба Мезенского. В единичных рукописях, относящихся ко второй и третьей группам, этот князь отсутствует вообще. В единственной рукописи второй группы, кроме устранения имени Глеба Мезенского, переписчик допустил грубое искажение текста, назвав Бориса Всеславича Борисом Владимировичем. В единственной рукописи третьей группы, кроме устранения Глеба Мезенского, имя Панкратия-Ярослава Святославича сокращено за счет его языческой части. В остальном списки не имеют никаких отличий. Их взаимоотношение можно истолковать следующим образом. Из трех групп II редакции самой ранней является первая, в которой имя Глеба еще сохранено, хотя и в чрезвычайно искаженной форме (Мезенский вместо Минский). Дата возникновения этой группы не может быть древнее второй половины XIV в., так как мезенские князья, которых припомнил редактор текста, появляются впервые в это время.⁶¹ Вторая и третья группы производны от первой, так как, не считая привнесения некоторых мелких погрешностей, работа редактора в них свелась только к устранению явно небывалого князя Глеба Мезенского.

К той же семье относится III редакция «Хождения». Существенной особенностью княжеского списка этой редакции является отсутствие Феодора-Мстислава Владимировича, место которого занято Андреем-Мстиславом Всеволодовичем. Глеб в этой редакции также отсутствует. В остальном список совершенно идентичен тем, которые приводятся в рукописях II редакции.

На первый взгляд кажется, что замена Феодора-Мстислава Андреем-Мстиславом аналогична той, которую мы отмечали в списках первой группы (Давыд Святославич на Давыд Игоревич). Однако так кажется только по первому впечатлению. Там различие логически оправдано. Если в предшествующем тексте Давыд был показан без отчества, то выбор последнего в позднейших списках целиком определялся вкусом и кругозором редактора. Здесь же явление более сложное. Написание имени Феодор-Мстислав Владимирович совсем не похоже на написание имени Андрей-Мстислав Всеволодович. Первое имя было широко известно в древней Руси. Мстислав Владимирович был прозван Великим и знаком любому грамотному человеку, мало-мальски знающему летопись. Заменить его совершенно неизвестным именем Андрея-Мстислава Всеволодовича не мог ни один редактор. Если допустить обратное явление — замену имени Андрей на Феодор, то мы не сможем объяснить наличие последнего имени в списках первой группы «Хождения» (сокращенная редакция Б). Поэтому можно думать только, что оба Мстислава фигурировали в первоначальном тексте повести.

Княжеские списки во второй и третьей редакциях «Хождения» настолько близки между собой, что, отвергая возможность их родства по вертикали, мы должны признать их происходящими от единого общего источника, отличительной особенностью которого было упоминание Давыда Всеславича и отсутствие Давыда Святославича, упоминание Бориса Всеславича и написание титула Глеба в таком испорченном варианте, что

⁶¹ Р. В. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892, стр. 293.

позднейшие редакторы сначала превратили Глеба в мезенского князя, а затем предпочли вообще избавиться от него.

Интересующее нас место рассказа Даниила в этом втором не дошедшем до нас памятнике (текст II) реконструируется следующим образом:

«Се же суть имена их: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд Всеславич, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Андрей-Мстислав Всеволодович, Феодор-Мстислав Владимирович, Борис Всеславич, Глеб (Минский в искаженной транскрипции)».

Таким образом, мы восстановили два древних текста, ни один из которых не является протографом. В первом тексте отсутствует упоминание князей Давыда Всеславича, Андрея-Мстислава Всеволодовича, Бориса Всеславича. Мы могли бы думать, что он является производным от второго, в котором все эти имена есть, однако такому предположению противоречит правильное написание в нем имени Глеба Минского, искаженного или отсутствующего в списках, восходящих ко второму тексту. Восстанавливая протограф, мы могли бы поступить очень просто и, подражая А. С. Норову, объединить оба текста в один, взаимно дополняя их. Однако здесь мы натолкнемся на серьезное препятствие.

Дело в том, что Давыд Всеславич второго текста стоит как раз на том месте, где в первом тексте стоит имя Давыда без отчества, осознанное автором I редакции как имя Давыда Святославича. Кто из этих двух князей упоминался в протографе? Святославич? Всеславич? Или же и тот и другой? А. С. Норов, обративший внимание на то, что Всеславич в данном случае стоит не на месте, перенес его в конец списка и поместил после его родных братьев, Бориса и Глеба. Давыд Святославич, оставленный А. С. Норовым на своем месте, водворился во главе своей братии — Олега и Ярослава.⁶² Думается, однако, что А. С. Норов не имел никакого права оставлять обоих Давыдов в списке, коль скоро ему пришлось для этого заниматься перестановкой текста. Формально больше прав имеет Давыд Святославич, так как место, занимаемое им в списке, вполне соответствует его старшинству перед братьями.

Еще раз подчеркну высказанную выше мысль, что в первоначальном тексте повести имя Давыда, по-видимому, не сопровождалось отчеством, и поэтому мы имеем здесь дело с еще одним размышлением редактора текста, поставленного перед необходимостью решать, какого Давыда имел в виду Даниил.

Если это так, то первоначальный текст рассматриваемого места «Хождения» следует восстанавливать следующим образом:

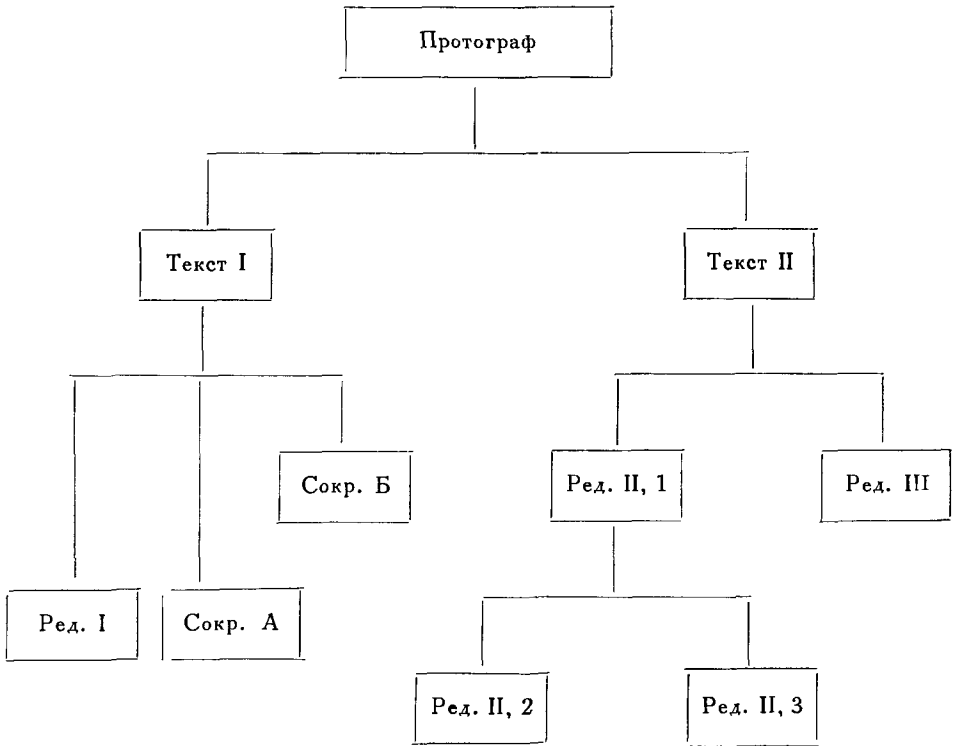
«Се же суть имена их: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давыд, Михаил-Олег, Панкратий-Ярослав Святославич, Андрей-Мстислав Всеволодович, Феодор-Мстислав Владимирович, Борис Всеславич, Глеб Минский».

Ниже я еще раз вернусь к шансам Давыда Всеславича на место в списке Даниила. Здесь же отмечу, что в приведенном контексте правильнее читать не «Святославич», а «Святославичи», как общее отчество поименованных один за другим братьев Давыда, Олега-Михаила и Панкратия-Ярослава. Эта бросающаяся в глаза особенность текста подтверждает, что Даниил под Давыдом понимал именно черниговского Святославича.

⁶² Путешествие игумена Даниила..., стр. 155.

Предложенная схема взаимоотношений различных вариантов «Хождения игумена Даниила» ниже представлена графически.

Схема вариантов «Хождения игумена Даниила»

Восстановив первоначальный текст, мы теперь должны вернуться к вопросу о том, чем руководствовался Даниил, называя именно эти, а не какие-либо другие княжеские имена. Собственно, ответ на этот вопрос дает сам Даниил, говоря о князьях и детях их. Под князьями он понимает не всякого князя в принятом теперь значении этого слова. Он делит князей на собственно князей и княжеских детей. Это деление может соответствовать только делению князей на владетельных и изгоев. Не имеющий самостоятельного удела князь, в понимании Даниила и любого его современника, является не князем, а только княжеским сыном. По-видимому, и в своем списке Даниил называет только князей, не вводя в него невладельческих княжеских детей.

Проверим это предположение, попутно оценивая старшинство князей для характеристики принятого Даниилом порядка их перечисления. Как я показал выше, по старшинству князья начала XII в. следовали в таком порядке: киевский Святополк Изяславич, переяславский Владимир Всеволодович, черниговские Давид, Олег и Ярослав Святославичи, смоленский князь, которым юридически должен быть Мстислав Игорев внук, новгородский князь Мстислав Владимирович, полоцкие Роман и Глеб Вселавичи.

Список Даниила во всех деталях повторяет этот, приведенный выше и полученный путем изучения и сопоставления многих летописных свидетельств список:

Феодор-Мстислав Владимирович — новгородский князь. Феодором он дважды назван в Мстиславовом евангелии: «Христолюбивому и богом честимому князю Феодору, а мирьскы Мстиславу, внуку сущю Всеволожу, а сыну Володимирю, князю новгородскому» и «О господи, спаси князя нашего Феодора многа лет, а мирьски Мстислава».⁶⁸

Борис Всеславич — это полоцкий князь. Известны попытки отождествить его с Рогволдом Всеславичем. Однако это заблуждение, в которое вносит ясность «Хождение Даниила». Рогволд получил полоцкий стол только в 1127 г., после изгнания Давыда.⁶⁹ В тот период, когда совершалось путешествие Даниила, полоцким князем был Роман Всеславич, умерший в 1114 или 1116 г.⁷⁰ Этого Романа и называет Даниил Борисом, поскольку имена Роман и Борис идентичны.

Глеб Минский — это брат Бориса Всеславича. Оба князя делили между собой Полоцкую землю после смерти Всеслава в 1101 г.

Перечислением названных девяти князей исчерпывается список Даниила. Мы не видим в нем ни волынского, ни туровского князей, наместников Святополка, ни ростовского князя, наместника Владимира, ни таких, казалось бы, самостоятельных князей, как Давыд Игоревич или Ростиславичи. Даниил не упоминает их, так как они не идут ни в какое сравнение с этими девятью князьями, составлявшими в своей совокупности ту верховную коалицию, которая решала общерусские дела и направляла политическое развитие государства, номинально объединенного под державой великого князя киевского.

Вернемся к Давыду Всеславичу. Мог ли он выступать в рассказе Даниила в таком окружении, да еще на третьем месте? Давыд Всеславич был в начале XII в. князем-изгоем, не имевшим собственного стола и предлагавшим свое оружие более значительным князьям. Он иногда стоит во главе дружины, ходившей в совместные княжеские походы на половцев,⁷¹ иногда поддерживает Олега Святославича против своих же собственных братьев,⁷² но до 1114 г. он безземельный князь, ничего не значащий в системе княжеской иерархии. В скольких бы списках «Хождения» ни повторялось его имя, Давыд Всеславич — в данном случае лишь результат ошибки редактора повести, порождение его исторических упражнений.

Мы видим, что реконструированный выше протограф разобранного места «Хождения игумена Даниила» может служить важным источником для политической истории древней Руси, а сама достоверность реконструкции подтверждается историческим анализом его содержания. Рассказ Даниила о поминании в Иерусалиме русских князей в самой концентрированной форме изображает всю систему княжеского старшинства, возникшую в результате активного юридического творчества и по инициативе Владимира Мономаха. Эта система в высшей степени последовательна как в своем содержании, так и в применении, что прежде казалось сомни-

Андрей, а что касается канонів в изображенні креста, то врят ли о них можна говорити скільки-нибудь серйозно для XI в. Определяя печать временем Андрея—Мстислава, отметим некоторое противоречие в надписи печати, которая говорит как будто о киевском князе, называя владельца печати великим архонтом, однако в рассматриваемое время никаких Мстиславов на киевском столе не было, кроме Мстислава Великого, который был Феодором. Поэтому относиться к надписи с полным доверием не следует. Вспомним печать Феопании Музалоннис, которая, будучи тмутараканской княгиней, титуловала себя русской архонтиссой.

⁶⁸ Путешествие игумена Даниила..., стр. 162 и сл.

⁶⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 131; т. VII, стр. 27.

⁷⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 8, 291; т. VII, стр. 23.

⁷¹ ПСРЛ, т. I, стр. 118; т. VII, стр. 19, поход на половцев в 1103 г.

⁷² ПСРЛ, т. I, стр. 119; т. II, стр. 287; т. VII, стр. 20.

тельным. Разумеется, «Хождение игумена Даниила» является прежде всего памятником эпохи, и его свидетельства не могут быть автоматически распространены на другие периоды, на другую историческую обстановку. Но и в этом случае пренебрегать его данными невозможно, как нельзя при анализе позднейших правовых норм пренебрегать сложившейся в более раннее время традицией.

Приведенный Даниилом список характеризует и самого автора повести. Даниил, записывая в Иерусалиме имена русских князей, не был просто игуменом одного из южных монастырей, с поспешностью вспоминая имена тех князей, которые сидели в непосредственной близости от его монастыря. Называя эти имена, он не ставил цели прославить своих настоящих или возможных покровителей и жертвователей. Он был русским игуменом в высоком понимании этого термина и, вспоминая князей, служил литургии за ту систему взаимоотношений, которая была разработана на княжеских съездах рубежа XI—XII вв., видя в ней средство от усобиц, разорения Русской земли и братоубийственных войн.
